

Сергей Есенин:

ХОЧУ Я БЫТЬ ПЕВЦОМ

Но и тогда,
Когда во всей планете
Пройдет вражда племен,
Исчезнет ложь и грусть,—
Я буду воспевать
Всем существом в поэте
Шестую часть земли
С названьем кратким «Русь».

Сергей Есенин

Ксилографии Н. Калиты.

СЛОВО О ПОЭТЕ

Ираклий Абашидзе

Стихи Сергея Есенина я знал и заучивал наизусть еще в школе. В 20-е годы не было поэтов популярнее Маяковского и Есенина. Любовь к Есенину была поистине всенародной. Стихи большого поэта — это всегда биография души. Пронзительная лирика Есенина — обнаженный нерв поэзии, это песни-исповеди, песни-признания. Книга судьбы, полная драматизма и страсти, открытий и ошибок, горя и любви, находила сразу же путь к сердцам миллионов. В Грузии поэт полюбил в 1924—1925 годах. Мне не пришлось с ним встречаться, но я помню рассказы о ясноглазом красавце его друзей — грузинских поэтов Тициана Табидзе, Паоло Яшвили, Валериана Габриадзе, стихи, опубликованные в республиканской газете «Заря Востока», «буйство глаз и половецкие чувства», привнесенное Есениным в поэзию. В Грузии поэт создал свыше 30 произведений. Нам особенно дороги строчки из стихотво-

мог увидеть необычное в обычном, умел одушевлять природу, а значит, постоянно преобразовать, любить ее и растворяться в ней.

В высшей степени необычная образность видения, почерпнутая из бессмертного эпоса, из русских былин и сказов, обы-

чаев и преданий. Они определили становление Есенина как глубоко национального поэта, сумевшего воплотить в поэтическом слове и радости, и грусть бытия, прикоснуться к самым сложным вопросам жизни, которые тревожат душу. Бесхитростная любовь к каждой березке, к «ситцевым» полям в родной природе в ранних стихах поэта выражает его глубокую преданность людям, живущим на земле, трудом и потом добывающим хлеб свой насущный. И, следуя примеру лучших представителей творческой интеллигенции России, Сергей Есенин приблизился к осознанию великих перемен в судьбах русского и других народов. Его лирика ошеломляет буйством чувств, яркостью красок, музыкальностью слова. Нам дорого сыновнее отношение поэта и к матери-Родине, и к тем березам у родного порога, которые проводили его в большую жизнь.

КИШИНЕВ.

Сергей Викулов

Есенин был удивительным магом слов, негромких, поставленных в необычное сочетание, когда звук, например, определяется цветом: «В роце по березкам белый перезвон». Слышите: «белый перезвон»... А взять вечный поэтический символ всех времен и народов — луну. С чем только не

сравнивали ее! Казалось бы, уже невозможно придумать что-то новое, а Есенин придумал, да еще такое, что ахнешь!

Впрочем, для его поэтики «придумал» не подходит: ни один его поэтический образ не придуман, не сконструирован, потому что и в самом деле он не придумывал. «Образ,— писал он,— живет во мне органически так же, как мои страсти и чувства».

...Советская страна для него все та же Родина, любимая Россия, и что перед нею личные обиды и страдания, ошибки и срывы! И если можно найти исцеление, то только в ней, только с нею.

МОСКВА.

Иван Драч

Сейчас понимаешь, кое-что проштудировав и кое-какие жизненные грехи преодолев, что Сергей Есенин был создан из такого редкостного человеческого материала, из которого создавались чистейшие из чистейших создателей духовных ценностей человечества — такие отдаленные от российского поэта и по времени, и по способу приложению таланта, как, например, Рафаэль или Моцарт. Кое-кому может показаться эта связь малоубедительной. Для меня же она несомненна...

Читаешь сегодня «Анну Снегину» — и как же легко и точно она вписывается в контекст всей русской литературы: от станционного пушкинского смотрителя до знакомых незнакомцев Шукшина и Распутина. Поражает чистотой и правдой не столько изображенной жизни, сколько безудержной открытостью сердца самого повествователя — со всеми своими сомнениями, откровениями и недомолвками вот он, весь пред нами.

Его поразительная, неповторимая образность, такая доступная всем и вся, таит в себе глубины философского склада. Так приходит утро на землю — и все открывается перед вами в своей изначальной прелести и росистом первородстве, солнце распахивает красоту мира, сердце дышит правдой и верой — даже измученное, даже все повидавшее сердце.

Мы, украинцы, помним, что одним из первых произведений Есенина был перепев-перевод из Шевченко — в 1914 году, памятном году столетнего юбилея Тараса Григорьевича. Что это было, отзывчивость к тению крестьянского корня или протест против официальных запретов празднования его юбилея? Или то и другое вместе? Этот факт не может не согреть души, особенно сегодня, в дни есенинского юбилея.

Прекрасный украинский лирик Владимир Сосюра в далекие 20-е годы много переводил из стихов рязанского самородка и во многом был близок ему откровенностью лирического разговора, чистотой своего песенного дыхания.

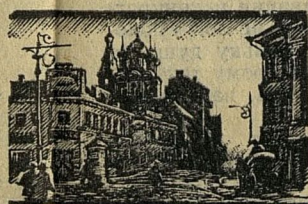
Один из блистательных прозаиков наших Юрий Яновский начинал как поэт. Кстати, он был одним из первых переводчиков Сергея Есенина на украинский язык. И вот в пятом томе собрания сочинений Ю. Яновского нахожу стихотворение, посвященное Сергею Есенину и написанное еще в апреле 1925 года.

Синим сном и медовыми сотами осталось и для нас, станет и для будущих читателей все удивительное творчество великого русского лирика.

КИЕВ.

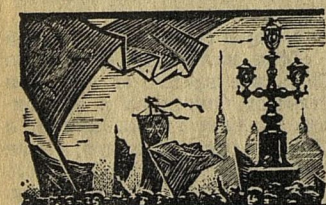
Антонина Коптяева

Шестьдесят лет назад, еще полуребенком, я с волнением и радостью читала его стихи, они звучали в моем сердце всю жизнь, и вот сейчас, на склоне многих прожитых лет, я с таким же волнением и наслаждением перечитываю их. Значит, мы старимся, а поэзия Есенина остается молодой, значит, она будет жить вечно. Трудно сказать, какое из стихотворений мне ближе, любимее. Они все дороги ощущением чистой грусти и нежности к жи-

вущему на земле, и потому сразу подчиняешься обаянию красоты, теплоте глубинных чувств поэта, его гордому и тревожному отношению к будущему преображению лапотной России в «стальную Русь».

МОСКВА.

рений «Поэтам Грузии», «На Кавказе», строчки, скрепляющие извечное братство поэтов. Обращаясь к товарищам «по чувствам, по перу», он сливал не только грузинские кремнистые дороги, Куру, загадочные туманы Кавказа, но и дружбу народов и литератур. Есениным, его строкой «Поэт поэту есть кунак» навеяны многие мои стихотворения о великом родстве поэтов разных национальностей. Время унесло в прошлое многие имена, но его поэзия нетленна. И сияет русский стих, струясь голубизной рязанского неба, зеленью пашен, киновью соком Кавказа, широтой степных раздольев, родниковой чистотой поэзии, рожденной в глубинах русской земли. ТБИЛИСИ.

Павел Боцу

Читать его стихи — значит каждый раз возвращаться в родные края, по только тебе известной тропинке спешить к порогу родного дома. Поэт

Зиновий Вальшонок

С ДОБРЫМ УТРОМ, СЕЛО КОНСТАНТИНОВО!

С добрым утром, село Константиново!
Я явился к тебе на поклон.
Тут березы горят стеариново
и мятежно качается клен.

Здесь веселье и грусть
дружат издавна,
но основа всего — чистота.
Даже дым повисает над избами,
подвешен и бел, как фата.
Тут свой дух очищал не божницею —
звоном песен, что сложены встарь,
росным клевером да медуницей
голосистый рязанский бунтарь.

Все беззвучное — холм и излучина,
и часовня, и старый погост —
златоустом крестьянским озвучено
и возвышено чувством до звезд.

Добрый вечер, село Константиново!
От житейской избавь шелухи.

Здесь подернута Старица тиной
и горласто орут петухи.

Для меня ты — святая и истина.
Радость сердца и боль своих травм
я несу, как заветную исповедь,
на алтарь константиновских трав.

Тут с небес, что зарницей расколоты,
листья сыплются, будто слова.
Светит стог переливающим золотом,
как есенинская голова.

Из любого болотца осеннего,
неотступный, как образа,
брезжат жгучей печалью Есенина
голубые до сини глаза.

Тихих речек щемящая графика,
где таятся от шук караси...
Константиново, Овстуг, Карабиха —
сколько их на раздольной Руси!

Кто сочтет их, с шальной повилочки
и пьянящим гудением пчел.

Но выходят поэты великие
из безвестных, заброшенных сел.

Зачарован лугами и пущами,
горожанин, смогу ли я так
обожать иступленно все сущее —
лошадей, и коров, и собак!..

Признаюсь, понапрасну не хвастая:
про луну и осины в снегу
я с такою тоской залихватского
рассказать никогда не смогу.

Мне с такой безоглядностью
жертвенной
никогда не воспеть в тишине
красоту и таинственность женщины,
как воспел он тебя, Шаганэ.

Но хочу я, любовь свою выстрадав
к родникам и приокской позе,
быть во всем по-есенински
искренним —
в каждом вздохе и в каждой слезе.